

Смерть ей к лицу. И по работе

Натану Касс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натали Касс

Смерть ей к лицу. И по работе

<https://litres.ru/74469423>

SelfPub; 2026

Аннотация

Быть судмедэкспертом — тяжелая работа. Быть судмедэкспертом, который видит неупокоенные души прямо на своем секционном столе, — это уже диагноз. Но Василиса не жалуется (по крайней мере, пока не закончится кофе).

Днем она — циничный врач с разноцветными глазами, вскрывающая тела под русский рок санитара дяди Миши. А вечером — таинственная «Мадам Элеонора», которая в полумраке оккультного салона вызывает духов для богатеньких клиентов, старательно пряча лицо под вуалью.

В этой истории никто не будет спасать мир от надвигающегося Апокалипсиса. Здесь нет огнешаров, эпических погонь и Избранных. Зато есть петербургская морось, черный медицинский юмор, призрачный следователь из позапрошлого века в качестве соседа и обаятельный ювелир-проклятийник, ждущий дома с горячим чаем.

Уютное городское фэнтези о том, что смерть — это не конец, а всего лишь начало бумажной волокиты. А главная героиня здесь иногда даже адекватна. Главное — не будить ее до звонка будильника.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Натали Касс

Смерть ей к лицу. И по работе

Глава 1

Утро судмедэксперта редко начинается с пения птиц. Мое началось с того, что я едва не вывихнула запястье, пытаясь прихлопнуть надрывающийся будильник на телефоне.

Откинув одеяло, я свесила ноги с кровати и потерла лицо руками. Хотелось спать, кофе и чтобы люди перестали убивать друг друга хотя бы по вторникам, но городские новости моих желаний не учитывали.

В ванной прохладный кафель под босыми ногами немного привел в чувство. Я нащупала расческу и попыталась продрать то, что за ночь образовалось на затылке. Мой природный светлый волос, выющийся мелким бесом, снова сваялся в глухой войлок. Пластиковые зубья с омерзительным хрустом застряли где-то над правым ухом.

— Да чтоб тебя, — прошипела я.

Либо стричься налысо, либо ходить как одуванчик под кайфом. Я с раздражением выдрала щетку вместе с клоком волос и кое-как стянула этот хаос резинкой на макушке. В

морге под хирургической шапочкой всё равно никто не оценит, а покойникам моя укладка тем более до лампочки.

Умывшись ледяной водой — спасибо коммунальщикам за очередную аварию на теплотрассе, — я пошла одеваться. Натянула плотные черные джинсы и любимую кашемировую водолазку. В питерской весне в ней самое то, а на работе всё равно переодеваться в глухую х/б броню. Если сунуться в кашемире в секционную, въедливый запах формалина и прочего потом не выведет ни одна химчистка, даже с заговором.

Из шкатулки я вытащила серебряную лунницу. Холодный металл скользнул по ключицам и тут же ощутимо нагрелся, приветствуя хозяйку. Мелкие бесы и левые призраки сегодня могут идти лесом, защита активна.

На кухне приятно грел пятки теплый пол, а возле кофемашины суетился Филя. Мой домовый, как обычно, щеголял в крошечных белых найках, купленных в «Детском мире», и деловито протирал столешницу.

— Доброе утречко, хозяйюшка! — пискнул он и гордо хлопал по матовому боку кофемашины. — Извольте созерцать! Я ей алгоритмы через умный дом переписал. Теперь она давление помпы под твой любимый сорт зерен сама регулирует, ровно к моменту твоего выхода из ванной.

Машина утробно заурчала и выдала в подставленную кружку идеальный капучино с густой пенкой.

— Филя, цены тебе нет, — выдохнула я, забирая кружку. Первый глоток сработал как дефибриллятор для нервной

системы.

Я плюхнулась на стул и открыла в телефоне любимый телеграм-канал с городскими происшествиями. Разборки у баров, кражи самокатов, пьяные ДТП... Скука. Пролистываем. Меня интересовали только жмурики, к которым мне через час ехать. О, а вот и потенциальные клиенты на Обводный: подписчики в комментариях уже накидали фоток с мигалками у парадной.

В соседнее кресло опустился Геннадий, принеся с собой легкий запах старой пыльной бумаги и сургуча. Его темный сюртук был застегнут на все пуговицы, осанка прямая, как шомпол, а бакенбарды тщательно расчесаны. Я искосаглянула на него, делая очередной глоток кофе.

Для человека, чья собственная смерть была до смешного нелепой *выпал из экипажа, пытаясь изящно раскланяться с дамой*, Гена мнил себя криминалистом невероятного масштаба.

— Добрейшего вам утречка, Василиса Михайловна, — произнес он бархатным, чуть грушевым баритоном, бесцеремонно заглядывая мне через плечо. — Снова изучаете сии пошлые хроники?

— Привет, Гена. Ищу, кого нам сегодня привезут, — я ткнула пальцем в экран, не отрываясь от кофе. — «Бытовуха на проспекте Ветеранов. Сорок два ножевых ранения кухонным тесаком для мяса. Сосед по коммуналке задержан». Красота. Работы на полдня, пока каждый раневой ка-

нал опишешь.

Геннадий брезгливо поморщился, поправляя несуществующий монокль.

— Помилуйте, сударыня, что за вульгарность! Сорок два удара тесаком! Какая невообразимая пошлость и полное отсутствие полета мысли. В мое время злодеи имели такт! Ежели изволили избавляться от неприятеля, так непременно редким ядом в бокале хереса. Или пулей на дуэли из-за чести дамы! А сие... — он презрительно фыркнул. — Плебейская грязь захмелевших простолюдинов. Измельчал нынче душегуб, ох измельчал. Мне, право слово, премного жаль, что вашему блестящему уму приходится ковыряться в столь низменных последствиях.

— Моему уму за эти ковыряния зарплату платят, Гена, — хмыкнула я. — А яд в хересе хрен найдешь без развернутой токсикологии, и потом следовательно мозг чайной ложечкой выест. Так что тесак меня вполне устраивает. Там всё наглядно.

Оставив Геннадия сокрушаться о падении нравов криминального мира, я отправилась в коридор шнуровать свои массивные ботинки. Трупы сами себя не вскроют. Обычный вторник набирал обороты.

Допив капучино, я ополоснула кружку и сунула её в посудомойку. Филя тут же радостно пискнул, подскочил к сенсорной панели на стене и деловито запустил эко-режим.

Кто бы мог подумать, что древний дух, веками привык-

ший к березовым веникам и пыльным углам, окажется латентным техногиком. Стоило мне после смерти прабабки сделать тут капитальный ремонт и воткнуть систему «умный дом», как домового подменили. Теперь он писал макросы для климат-контроля и чувствовал себя властелином Кремневой долины в масштабах отдельно взятой Петроградки.

Я пошла по длинному коридору, на ходу стягивая с волос резинку и переделывая растрепавшийся пучок на более тугой. Пять комнат в старом фонде — звучит как мечта, но на деле для одной меня это прорва квадратных метров. Огромная гостиная, переходящая в просторную кухню, моя спальня, гостевая, пустующий светлый кабинет... Вся эта роскошь досталась мне от прабабки Марфы, к которой меня сослали в двенадцать лет. Именно тогда мой дар медиума решил, что пора просыпаться.

Мой отец, обычный архитектор, честно пытался воспитывать меня сам после того, как мама — сильная ведьма — умерла в родах. Банальная акушерская патология, перед которой любая магия бессильна. Папа любил меня, но когда в нашей квартире от подростковых истерик начали летать его чертежи и искрить розетки, он сдался и отвез меня к бабке.

При жизни Марфы эти комнаты напоминали филиал краеведческого музея: темно-бордовые обои, громоздкая дубовая мебель, тяжелые портьеры, вечный запах воска и сушеной пижмы. Едва став полноправной хозяйкой пять лет назад, я безжалостно выдрала все это великолепие с корнем.

Впустила свет, закатала стены в белую краску и купила мебель из металла и стекла.

Скучала ли я по бабке? Ни капли. Эта вредная старая карга, в отличие от Гены, умудрилась благополучно отчалить за Грань, но решила, что смерть — совершенно не повод оставлять нерадивую правнучку в покое. Она регулярно просачивалась в мои сны, усаживалась на край кровати, стучала призрачной клюкой по полу и пропесочивала за каждый косяк. То защиту на окна криво поставила, то зелье не по лунному календарю варю.

Я остановилась у пятой двери. Самой дальней. Из тяжелого мореного дуба с врезным замком. Единственная комната, которую ремонт не тронул. Там остался алтарь Макоши и пудовые гримуары. Я заходила туда только по необходимости, предпочитая жить в XXI веке, а не в Средневековье.

В прихожей я стянула с вешалки любимую косуху. Кожа привычно и тяжело скрипнула, когда я вошла в рукава. Присела на пуфик, чтобы как следует зашнуровать свои массивные рабочие ботинки.

— Я ушла, Филя! — крикнула я, затягивая шнурок. — Робота-пылесоса не мучай!

— Скажете тоже, хозяйюшка! — донесся с кухни возмущенный голос. — Я ему карту уборки оптимизирую! Легкой смены!

Геннадий уже ждал у входной двери. Призрак стоял ровно, заложив руки за спину, всем своим видом выражая го-

товность нести свет просвещения в мрачные залы петербургских моргов.

— Ну что, Василиса Михайловна, — глубокомысленно изрек он, когда я выпрямилась и сунула ключи в карман куртки. — Пойдемте взглянем на вашу поножовщину. Надеюсь, лезвие тесака хотя бы не заржавело, иначе я окончательно разочаруюсь в современниках.

— Идем, критик, — усмехнулась я, нажимая на ручку двери.

Питер за порогом парадной дышал сыростью и выхлопными газами. Обычное утро. Идеальная погода для вскрытия.

Здание морга на Обводном встретило меня привычным угрюмым фасадом из красного кирпича и тяжелой металлической дверью. Стоило переступить порог, как на меня обрушился родной, ни с чем не сравнимый букет ароматов: хлорка, озон от бактерицидных ламп и едва уловимая, сладковатая нотка формалина. Для нормального человека — тошнотворно, для меня — запах стабильности.

Я кивнула Галине — наша лаборантка, как всегда, сидела за своей стеклянной перегородкой, яростно стуча по клавишам и заполняя бесконечные справки. В коридоре было на удивление тихо, только откуда-то из глубины секционной приглушенно доносились хиты «Ретро FM».

Первым делом я направилась в раздевалку. Стянула кофту, переоделась в свободный хирургический костюм темно-синего цвета, а непослушные светлые кудри намертво

спрятала под одноразовую шапочку. Лунница на груди привычно грела кожу под хлопковой тканью.

Выйдя в коридор, я подошла к маркерной доске, где Галина выписывала расписание на смену. Утро выдалось откровенно ленивым. Всего пара жмуриков на очереди — дедушка с инфарктом и какой-то несчастный случай на стройке. А вот напротив вчерашнего «героя» с сорока двумя ножевыми от кухонного тесака красовалась фамилия Ильи Петровича.

Я не сдержала мстительной и абсолютно искренней улыбки. Слава богу! Описывать сорок два раневых канала, измерять их глубину, ширину и углы погружения лезвия — это адская, нудная работа на полдня. Илья Петрович, наш судмедэксперт старой закалки, будет ковыряться с ним до самого обеда под песни Юры Шатунова.

— Выглядите так, словно выиграли в лотерею, Василиса Михайловна, — раздался укоризненный баритон Геннадия. Призрак материализовался у доски, скрестив руки на груди. — А я-то надеялся оценить, как вы будете распутывать сие варварское преступление.

— Пусть Петрович распутывает, ему до пенсии спешить некуда, — шепнула я, направляясь к ординаторской.

В дверях я едва не столкнулась с Толиком. Наш молодой санитар, вечный студент-медик, катил каталку с накрытым телом, ритмично жуя жвачку. В ушах у него торчали белые наушники, из-за чего он был абсолютно оторван от реальности. На каталке поверх простыни сидел полупрозрачный,

растерянный мужичок в строительной каске и грустно смотрел на свои ноги. Я сделала вид, что ничего не замечаю.

— Толик! Бирки проверь, мать твою! — рывкнул из глубины коридора дядя Миша. Наш старший санитар, суровый мужик под шестьдесят с армейской выправкой, нес в руках стопку чистых простыней. — Опять перепутаешь, я тебя самого на секционный стол положу!

Толик испуганно дернулся, вытащил один наушник и полез сверять номерок на ноге покойного с картой.

Я хмыкнула и зашла в ординаторскую. На диване, свернувшись в клубок и обхватив обеими руками кружку со сладким чаем, сидела наша новенькая ординатор. Светик была бледна, как свежeweымытый кафель, и смотрела в стену невидящим взглядом. Рядом с ней на диване пристроился призрак сухонького дедушки в пижаме, который с интересом заглядывал ей в кружку.

— Что, Светлана, первый раз мясную лавку увидела? — сочувственно, но с легкой иронией спросила я, открывая свой шкафчик, чтобы достать чистые перчатки и фартук.

— Т-там... — она сглотнула, не отрывая взгляда от стены. — Илья Петрович вскрывать начал. Человека, с ножевymi. Там столько крови... и это месиво. Так... неэстетично.

— Эстетика, милая моя, осталась в девятнадцатом веке, — я покосилась на Геннадия, который согласно и очень важно кивнул. — А у нас тут проза жизни. Допивай чай, надевай двойные перчатки и пошли к нашему дедушке с инфарктом.

Буду учить тебя работать реберными ножницами так, чтобы не отчекрыжить себе пальцы, когда хрящи хрустят.

Я методично диктовала параметры. Светик послушно строчила в планшет, стараясь дышать через рот и не смотреть на то, что находилось под яркими лампами секционного стола.

А я тем временем краем глаза наблюдала за полупрозрачным старичком в застиранной майке и трениках с вытянутыми коленками. Призрак нашего «клиента» сидел прямо на металлической раковине в углу и мрачно матерился себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. Из-за лунницы он видел во мне лишь обычного патологоанатома, поэтому даже не пытался привлечь внимание.

— Инфаркт, блин... Ага, шас, — глухо ворчал дед, болтая босой ногой. — Участковый пришел, посмотрел одним глазом: «Ну а что вы хотели, восемьдесят два года, сердце не казенное». Тьфу! Да я до аптеки быстрее него ходил!

Терпеть эту фоновую шарманку было неудобно, к тому же дед явно знал о своей смерти больше, чем ленивый участковый.

— Светлана, — я стянула окровавленные перчатки и бросила их в лоток. — Сделай одолжение, сбегай к Галине, забери бланки на гистологию. И кофе себе заодно возьми, а то ты сейчас в обморок рухнешь.

Светика дважды просить не пришлось. Она пулей вылетела из ординаторской, радуясь возможности глотнуть воз-

духа без примеси формалина. Как только тяжелая дверь за ней закрылась, я повернулась к раковине, скрестила руки на груди и посмотрела прямо в выцветшие глаза призрака.

— Ну и чего бубним? — спокойно спросила я, сбрасывая невидимую «тонировку» оберега. — Какой здоровый мотор, дед? У тебя сосуды забиты, как трубы в хрущевке.

Старик чуть в раковину не свалился. Эктоплазма пошла рябью, он испуганно вцепился в край кафеля.

— Т-ты... ты меня видишь?! — он ткнул в меня полупрозрачным дрожащим пальцем. — И слышишь?!

— И вижу, и слышу, и вскрываю, — я вздохнула. — У тебя три минуты, пока ординатор не вернулась. Выкладывай, от чего ты помер, иначе так и напишу: «острая сердечная недостаточность».

Дед тут же подобрался. Испуг на его полупрозрачном лице сменился тяжелой, горькой обидой.

— Племянница моя, Риточка, — голос старика дрогнул. — Вчера вечером пришла. Снова дарственную на квартиру требовала подписать. Я сказал, что хрен ей, а не моя двушка, пока я жив. Отворотился к стенке и велел уходить. А она...

Он замолчал, нервно дернув кадыком.

— Подушку взяла? — тихо подсказала я, уже догадываясь, к чему идет этот классический квартирный сюжет.

— На лицо мне положила и навалилась всем весом, — кивнул дед, опустив голову. — Я и дернуться не успел. Старый стал, слабый. Задохнулся. А она, стерва, посидела ря-

дом, скорую вызвала и плакать начала. Мол, зашла проведать, а дедушка уже остыл.

— Понятно, — я процедила сквозь зубы ругательство и снова подошла к секционному столу. — Извини, дед. Придется еще немного покопаться.

Если я просто позвоню следаку и скажу, что мне всё рассказала душа убитого — меня отправят в дурдом. Значит, нужны железные, неопровержимые медицинские доказательства. Для неопытного опера мертвый старик в постели — это всегда «сердце». Но если знать, где искать...

Я взяла пинцет, аккуратно приподняла веки покойного и включила бестеневую лампу на максимум.

— Бинго, — прошептала я.

На слизистой оболочке глаз, под конъюнктивой, виднелись крошечные, едва заметные красные точки. Петехиальные кровоизлияния — лопнувшие капилляры, верный признак удушья.

Затем я взяла лупу и осторожно оттянула верхнюю губу старика. Так и есть. На внутренней стороне губы красовался свежий кровоподтек, а тонкая уздечка была надорвана — когда племянница давила подушкой, она с силой вжала губы старика в его же собственные зубы.

Дверь скрипнула, и в секционную вплыла немного порозовевшая Светик со стопкой бланков.

— Василиса Михайловна, я принесла... — начала она, но осеклась, увидев мое лицо.

— Светлана, стирай инфаркт, — жестко сказала я, стягивая маску на подбородок. — У нас тут сто пятая статья. Убийство.

— Как убийство? — ахнула ординаторша. — Но участковый же написал...

— Участковый — идиот, которому лень работать, — отрезала я. — Пиши: выявлены точечные кровоизлияния под конъюнктиву глаз и надрыв уздечки верхней губы, характерные для механической асфиксии. Насмерть его задавили, Светик. Звони в дежурную часть, пусть срочно берут за жабры родственников, которые его нашли.

Я бросила взгляд в угол. Призрак деда больше не причитал. Он удовлетворенно крякнул, мстительно потер полупрозрачные руки и довольно оскалился.

— Так ей, стерве, — радостно возвестил он. — Будет знать, как на чужой каравай роток разевать! Уважила, доктор. Пойду я, пожалуй. Посмотрю, как за этой змеюкой наряд приедет.

Дед залихватски подмигнул мне и, насвистывая какой-то бодрый советский мотивчик, шагнул прямо в стену, растворившись в белом кафеле.

Остаток смены пролетел в суете. За нашим заключением примчался взмыленный опер из районного. Долго и витиевато матерился — не на участкового, с того взятки гладки, — а на свою загубленную смену и на меня заодно.

— Ну Василиса Михайловна, ну не могла ты глаза за-

крыть? — ныл он, подписывая бумаги. — Был же нормальный инфаркт! А теперь мне эту племянницу, которая скоро вызывала, дергать, колоть, мотив доказывать... Всю статистику мне портишь своей дотошностью.

Но бумажки забрал как миленький и умчался работать. Потом мы со Светиком быстро описали строителя — там обошлось без сюрпризов и бесед с потусторонним: банальное нарушение техники безопасности и полет с третьего этажа прямо на арматуру.

К трем часам дня я наконец-то стянула одноразовую шапочку и швырнула ее в мусорное ведро. Волосы тут же рассыпались по плечам спутанным гнездом, но мне было плевать. Хотелось на воздух.

В раздевалке меня уже поджидал Геннадий. Призрак висел у моего шкафчика и выглядел так, словно его заставили жевать лимон.

— Это невыносимо, Василиса, — трагично сообщил он, стоило мне переступить порог. — Ваш Илья Петрович не только мясник, обделенный малейшим чувством эстетики, но и музыкальный садист. Три часа слушать вопли этого сироты Шатунова! Я едва не развоплотился от душевных мук! И главное — он даже не обратил внимания, что последние пять ударов тесаком наносил левша, хотя первые были сделаны правой рукой! Какая небрежность!

— Завтра расскажешь, Гена, — отмахнулась я, вдевая руки в рукава любимой косухи и закидывая рюкзак на плечо.

Зацепка про левшу была интересной, но мой рабочий день официально завершился. — Пусть Петрович сам со своими левшами разбирается.

Я вышла на крыльцо морга, толкнув тяжелую дверь, и с наслаждением вдохнула сырой, пахнувший Невой, выхлопными газами и мокрым асфальтом питерский воздух. Никакой хлорки и формалина.

В кармане завибрировал телефон. Филя прислал смс. Да, у моего домового был личный смартфон, и не абы какой — этот прохвост выпросил себе тот самый, с надкусанным яблоком.

«Робот-пылесос намотал носок на щетку, застрял под диваном и жалобно просит спасения», — гласило сообщение.

Я усмехнулась. Застегнула куртку, выудила из кармана электронную сигарету и с удовольствием затянулась густым фруктовым паром. Обычный вторник подходил к концу. И, слава богу, на сегодня жмуриков с меня точно хватит.

Глава 2

До Гороховой улицы я тащилась минут сорок — вечерний Петербург традиционно стоял в глухих пробках. Я лениво переключала радиостанции, слушая, как мелкий дождь барабанит по лобовому стеклу моей старенькой, но надежной «Вольво», и наслаждалась тем, что никто вокруг не пытается умереть прямо сейчас. На пассажирском сиденье тихо страдал Геннадий, возмущаясь засильем бездушных железных повозок и низкопробной попсой из динамиков.

Припарковавшись в тесном дворе-колодце, я прошла через арку. Вывеска «Лавка чудес» мягко светила в сумерках теплым неонам. Это заведение, как и квартира на Петроградке, досталось мне в наследство от прабабки. Для обычных прохожих — стильный эзотерический магазинчик, где туристам впаривают ловцы снов и ароматические свечи за сумасшедшие деньги. Для Иных — точка сбыта настоящих артефактов и редких ингредиентов.

Дверной колокольчик мелодично звякнул. Внутри пахло сушеной полынью, дорогим воском и свежесваренным травяным чаем.

В зале никого не было, кроме Зои. Моя продавщица и по совместительству потомственная ведьма-травница сидела за массивным деревянным прилавком. Ее разноцветные дреды были скручены в небрежный узел на затылке, а на шее бол-

талась связка рун. Зоя сосредоточенно что-то перетирала в каменной ступке, тихо напевая себе под нос.

— Привет, босс, — не отрываясь от занятия, мурлыкнула она. — Как жмурики?

— Лежат. Никуда не торопятся, — я скинула куртку на спинку стула и прошла за прилавок. — Как торговля? Туристы сегодня покупали «заряженные на богатство» камни с Алиэкспресса?

— А как же, — Зоя улыбнулась, отложив пестик. — Три розовых кварца ушли москвичкам как магниты для любви. А вот из наших заходил только упырь с Лиговки. Взял настойку кровохлебки, жаловался на несварение от магазинной сви-нины. Я ему чай заварила... Будешь? Ромашка с чабрецом, нервы успокаивает.

— Давай. Только без твоих этих мавочьих добавок для астральных путешествий, мне еще домой ехать, — попросила я, опускаясь на стул.

Геннадий плавно выплыл из-за стеллажа с книгами по таро, безгловно покосился на пучок сушеной жабы под потолком и тяжело вздохнул. Рабочий день судмедэксперта закончился, начинались будни питерской ведьмы.

— Допивай чаек, босс, — Зоя посмотрела на настенные часы, стилизованные под кельтский компас. — У тебя через пятнадцать минут вип-клиентка.

Я со вздохом допила ромашку и поплелась в заднюю комнату, которую мы гордо именовали «Залом Контакта». Здесь

царил полумрак, пахло сандалом, а мебель состояла из круглого стола, застеленного бархатом, и пары тяжелых кресел. Бабкино наследство в чистом виде, но клиентам нравилось.

Первым делом я открыла шкаф и начала облачаться в рабочую униформу. Никакой кашемировой водолазки и джинсов. Я натянула длинный, глухой черный балахон, а на голову водрузила пепельный парик с густой челкой, поверх которого накинула капюшон с полупрозрачной вуалью.

Конспирация была вопросом выживания. Петербург — город маленький, а Питер криминальный — еще меньше. Не хватало только, чтобы родственник жмурика, которому я утром выдавала справку о смерти в морге, вечером пришел ко мне на сеанс и узнал в таинственном медиуме Василису Михайловну.

Правила загробного мира работали четко: после смерти душа тусуется рядом с телом или местом гибели ровно три дня. Потом — чемодан, вокзал, и уход за Грань. Застревают в нашем мире только те, кого убили, а обидчика не наказали — таких бедолаг я регулярно видела на работе. Или те, у кого остались какие-либо долги.

Но в Лавку чудес приходили не за ними. Клиентам нужно было поболтать с мужьями, почившими полгода назад, или бабушками, не успевшими переписать завещание. И чтобы достать их оттуда, мне приходилось погружаться в транс, приоткрывать Грань и выуживать нужную душу «со дна». Работа энергозатратная, но и тариф у меня был соответству-

ющий, коммуналка нынче дорогая.

В дверь Зала Контакта деликатно постучали.

— Входите, — произнесла я глубоким, специально поставленным грудным голосом.

На пороге появилась дама. Вся в соболях, несмотря на плюсовую температуру на улице, с идеальной укладкой и лицом, перетянутым филлерами до состояния легкого удивления. От нее разило духами «Баккара» так, что у меня заслезились глаза.

Гена, вплывший в комнату следом за ней, брезгливо зажал нос платком и демонстративно отодвинулся в угол.

— Мадам Элеонора? — трепетно спросила клиентка, присаживаясь в кресло напротив. — Мне вас порекомендовали... Мой муж, Борис Эдуардович, скоропостижно скончался месяц назад. Инфаркт.

— Я чувствую вашу боль, — загробным тоном отозвалась я, плавно раскладывая на столе карты Таро исключительно для визуального эффекта. — Что вы хотите передать ушедшему?

— Понимаете... Боренька ушел так внезапно, — дама картинно промокнула сухой глаз платочком. — А у него остались криптокошелек и сейф в загородном доме. Он не успел сказать мне пароли! Вы можете спросить у него? Я заплачу двойной тариф!

Я кивнула, зажгла черную свечу по центру стола и прикрыла глаза. Глубокий вдох. Выдох. Я потянулась сознани-

ем туда, где было холодно, пусто и тихо. Грань поддалась неохотно, словно тугая резина. Я нащупала энергетический след, привязанный к дамочке, и с силой дернула на себя.

Воздух в комнате резко остыл. Пламя свечи дернулось и посинело.

— Борис Эдуардович, — замогильным голосом произнесла я, открывая глаза. — Он здесь.

Над столом, прямо между мной и вдовой, повис полупрозрачный, тучный лысоватый мужик. Судя по всему, инфаркт настиг его в бане — из одежды на Борисе было только сползающее полотенце. Мужик ошалело заморгал, огляделся, увидел свою жену, потом перевел взгляд на меня.

Я коротко кивнула ему: да, я тебя вижу.

— О, дух усопшего, — заунывно, растягивая гласные, заговорила я для клиентки. — Твоя скорбящая вдова пришла просить о последней милости. Она ищет ключи от земного... Пароль от твоего криптокошелька и код от сейфа в загородном доме.

Борис Эдуардович, до которого наконец дошел смысл происходящего, побагровел (насколько это возможно для эктоплазмы).

— Ах вот оно что! За деньгами пришла?! — рывкнул дух так, что пламя свечи снова заметалось. — Да пошла она в задницу, эта пиявка силиконовая! Я пока в больнице под капельницей лежал, она мою коллекцию финских спиннингов на помойку выкинула! Скажи ей, что пароль от крипты я за-

был, мыши съели!

Геннадий в углу неодобрительно покачал головой, осуждая манеры усопшего. Я же сохранила каменное выражение лица, хотя под вуалью отчаянно хотелось заржать.

— Дух говорит со мной, — медленно, нараспев произнесла я, глядя на побледневшую вдову. — Ему тяжело. Он говорит, что земное богатство больше не тревожит его разум. Цифры криптокошелька навсегда растворились в небытии...

Вдова разочарованно всхлипнула и заломила руки, сверкнув бриллиантами.

— Но сейф! Мадам Элеонора, умоляю, спросите про сейф! — взмолилась она. — Там же документы на дом!

Я перевела вопросительный взгляд на висящего под потолком мужика. Борис мстительно прищурился и потер полупрозрачные руки.

— А вот сейф... О да, скажи ей про сейф, ведьма, — мерзко хихикнул Борис. — Передай этой мымре, что пароль от сейфа — это дата рождения моей секретарши Леночки! Пусть подавится правдой!

Я мысленно пооплодировала этой загробной драме.

— Дух готов открыть последнюю тайну, — я понизила голос до хриплого шепота и наклонилась над хрустальным шаром. — Он говорит... Код от сейфа — это дата рождения... его секретарши Елены.

Вдова замерла. Ее глаза округлились так сильно, что, казалось, сейчас лопнут швы от недавней подтяжки лица.

— Леночки?! — взвизгнула она, мигом растеряв весь свой скорбный вид. — Этой малолетней швабры с ресепшена?! Да я... Да он... Ах ты ж кобель старый!

Борис Эдуардович победно расхохотался, показал жене неприличный жест обеими руками и, довольный произведенным эффектом, растворился в воздухе. Грань с легким щелчком закрылась.

— Контакт прерван, — я устало откинулась на спинку кресла и задула свечу. — Он ушел. С вас пятьдесят тысяч рублей. Перевод по номеру телефона привязан к карте.

Вдова, пыхтя от ярости и оскорбленного достоинства, молча достала телефон, агрессивно натыкала нужную сумму и вылетела из комнаты, даже не попрощавшись.

Я стянула душный парик, отбросила капюшон и с наслаждением помассировала виски. Пятьдесят тысяч за пять минут позора и семейной драмы. Жить можно.

Стянув жаркий балахон и повесив его обратно в шкаф, я пригладила растрепанные волосы и вышла из «Зала Контакта».

В основном помещении Лавки уже горел только дежурный свет. Зоя перевернула табличку на двери надписью «Закрыто» на улицу и сейчас методично протирала витрины тряпкой, пахнущей каким-то еловым спреем.

— Ну как прошло? — спросила она, не оборачиваясь.

— Блестяще, — я с облегчением рухнула на стул за прилавком и потянулась к остывшему ромашковому чаю. — Се-

мейная драма с элементами финансового шантажа. Борис Эдуардович отомстил жене с того света, жена ушла в бешенстве, но свои пятьдесят тысяч я получила. Что у нас там по расписанию дальше?

Зоя отложила тряпку, достала из-под прилавка пухлый ежедневник в кожаном переплете и полистала страницы.

— Так-с... На этой неделе еще две встречи, — она пробежалась наманикюренным пальцем по строчкам. — В четверг вечером какой-то парень хочет поговорить с дедом насчет наследства, а в субботу днем — женщина, ищет пропавшую собаку. Говорит, собака умерла, но дух не уходит, воеет по ночам.

Я устало закатила глаза и потерла переносицу. Деды, собаки, криптокошельки...

— Главное, чтобы эти спиритические страдания не пересеклись с моими ночными сменами в морге, — проворчала я. — Иначе я сама завою по ночам, и никакая ромашка не спасет. Если в четверг мне поставят дежурство, парня с дедом придется переносить.

— Принято, босс, — Зоя захлопнула ежедневник. — Ладно, я закрываю кассу. Тебе домой пора, а то, судя по лицу, ты скоро сама к Геннадию в компанию попросишься.

Упомянутый Геннадий, который всё это время стоял у витрины с аметистами и брезгливо рассматривал «китайские стекляшки», гордо выпрямился, всем своим видом показывая, что в его компанию берут не каждого.

Я хмыкнула, накинула косуху и попрощалась с Зоей. Пора было ехать на Петроградку — спасти глупый пылесос из плена и, если повезет, просто поесть и поспать.

Глава 3

Пробуждение началось с того, что я уткнулась носом в собственную подушку и поняла: никуда бежать не надо. Суббота. Законный выходной.

Рабочая неделя слилась в один сплошной, вязкий поток из формалина, заполнения актов и пафосных спиритических сеансов в душном парике. В среду ночная смена в морге на Обводном прошла на удивление тихо — пара банальных инфарктов да один перепой, даже дядя Миша скучал, полируя и без того блестящие инструменты под русский рок. Следующее дежурство только завтра.

Из гостиной донесся приглушенный вой милицейской сирены, характерная музыка из девяностых и полный праведного гнева голос Геннадия: — Нет, вы поглядите на этого мерзавца! Средь бела дня! Да в наше время за такое немедленно ссылали на каторгу! Городовых на них нет!

Я с тяжелым вздохом перевернулась на спину и протерла глаза. Всю ночь мой персональный призрак-следователь на пару с домовым Филей смотрели «Улицы разбитых фонарей». Причем, судя по звукам, смотрели запоем.

Скинув одеяло, я поежилась и нащарила босыми ногами тапочки. Хорошо хоть в магазин тащиться не нужно. Филя окончательно освоил планшет и приложения доставки: теперь продукты магическим образом материализуются у

порога. Курьеров домоной встречает лично, через динамик системы умного дома, замогильным механическим голосом требуя «оставить подношения у двери и удалиться». Курьеры крестятся, но пакеты оставляют.

Я пошлепала в сторону кухни, на ходу пытаюсь прочесать пальцами спутавшиеся за ночь мелкие кудри. Пальцы предсказуемо застряли. Дернув волосы и тихо ругнувшись, я заглянула в гостиную.

Картина маслом: на диване чинно восседал полупрозрачный Геннадий, закинув ногу на ногу, а рядом на подушке устроился Филя — мохнатый темный комок, хрустящий чипсами из доставленного вчера пакета. На экране плазмы Дукалис как раз вышибал плечом очередную хлипкую дверь.

— Василиса Михайловна, доброе утро, — Геннадий отвлекся от экрана и брезгливо поджал призрачные губы. — Вы только посмотрите на этот сыск! Никакого изящества. Никакой дедукции! Бегают по подворотням, как дворковые псы.

— Нормально бегают, Геннадий, эффективно, — хрипло отозвалась я, направляясь к кофемашине. — Зато статистика раскрываемости хорошая.

Нажав кнопку на кофеварке, я прислонилась бедром к столешнице, слушая приятное жужжание перемалываемых зерен. Впереди был целый выходной, который нужно было провести с пользой. Правда, во второй половине дня мне все-таки придется тащиться в «Лавку чудес», надевать вуаль

мадам Элеоноры и разбираться с воющим призраком чьей-то мертвой собаки.

Но это будет днем. А пока — двойной эспрессо и, возможно, пара серий про ментов из девяностых. Исключительно ради того, чтобы послушать, как интеллигентный следователь девятнадцатого века кроет матом бандитов.

Утро пролетело в блаженном ничегонеделании, и к обеду я припарковала свою «Вольво» на Гороховой. Поздоровавшись с Зоей, которая как раз расставляла на витрине свежую партию каких-то жутко воняющих полынью свечей, я поплелась в подсобку.

Перевоплощение в мадам Элеонору — процесс мучительный. Сначала удушливое бархатное платье, затем тяжелый парик, под которым моя собственная кучерявая шевелюра мгновенно начинает чесаться, и, наконец, венец творения — плотная черная вуаль. Дышать в этом великолепии было тяжело, зато клиенты млели от восторга.

Я едва успела занять место за круглым столом с хрустальным шаром, как дверь распахнулась. Клиентка, Зинаида Петровна, влетела в полумрак кабинета, таща на руках увесистого рыжего английского бульдога с подпалинами. Пес, похожий на перекормленного поросенка, тяжело сопел, периодически похрюкивая и горестно вздыхая. Хозяйка прижимала его к груди с такой силой, что у бедолаги оттопырилась брыля, и густая прозрачная слюна капнула прямо на шелковый шарф Зинаиды Петровны. Бульдог меланхолично

облизнулся.

Я смотрела на эту сцену сквозь сетку вуали и думала о том, как же хорошо, что я не люблю собак. Моя нервная система, закаленная запахами морга, такого издевательства над здравым смыслом и гигиеной точно бы не выдержала.

— О, мадам, вы представляете! — защebetала женщина, плюхаясь на стул напротив и укладывая свой хрюкающий груз на колени. — Нашелся мой Пусик! Еще позавчера волонтеры позвонили и вернули мне мою прелесть!

Пусик издал звук, средний между стоном и отрыжкой.

Я мысленно потеряла виски под зудящим париком и включила свой фирменный, глубокий грудной голос:

— Безумно рада за вас и... Пусика. Но смею спросить, зачем же вы тогда пришли, если пропажа нашлась?

— Так вы понимаете, вой-то не прекратился! — Зинаида Петровна округлила глаза. — Кто-то за стеной воет и воет каждую ночь! А я точно знаю, что там никто не живет. Квартира пустая! Там моя соседка жила, Ольга Павловна... Померла полгода назад. Может, это она не упокоилась?

Женщина порывисто вытащила из сумочки льняной платок с кривоватой вышивкой.

— Вот! Это она мне подарила, сама вышивала. Может, по вещице можно дух призвать?

Я мысленно взывала громче любой собаки. Доставать душу со дна, из-за Грани, спустя полгода после смерти — это физически тяжело. Это не свеженький покойник в морге, кото-

рый сам рад поболтать, пока три дня не вышли.

Вздыхнув, я стянула с рук черные кружевные перчатки и коснулась платка. Пальцы обожгло могильным холодом. Я прикрыла глаза, концентрируясь, нащупывая тонкую нить остаточной энергии, и с силой дернула ее на себя, прорывая ткань реальности. Голову тут же сдавило тупой болью.

Воздух в кабинете резко похолодел. Рядом со столом со-
ткалась полупрозрачная фигура благообразной старушки в
байковой ночнушке и выцветшем халате.

— Дух здесь, — мрачно возвестила я, утирая проступив-
ший на лбу пот через вуаль.

— Оленька?! — Зинаида Петровна радостно всплеснула
руками, едва не уронив бульдога. — Ой, как хорошо! А ты
знаешь, Светка-то со второго этажа от мужа ушла! А ЖЭК
нам квитанции опять с ошибкой прислал!

Я открыла было рот, чтобы направить сеанс в конструк-
тивное русло, но не тут-то было. Призрак Ольги Павловны
оживился:

— Да ты что?! А я говорила, что этот ее Валерка — баб-
ник! Ирод окаянный!

Я смотрела на них сквозь черную сетку вуали, переводя
взгляд с одной на другую, как зритель на теннисном турнире.
Пинг-понг был идеальным. Зинаида Петровна Ольгу не слы-
шала, но паузы выдерживала мастерски. — А я ей говорю:
Светка, гони ты его в шею! — вещала призрачная Ольга Пав-
ловна, всплескивая полупрозрачными руками. — Вот-вот!

И я о чем! Кобель он, Оленька! — тут же, секунда в секунду, вторила Зинаида Петровна, глядя куда-то сквозь подругу. Если бы я лично не проверяла клиентку на наличие дара, то поклялась бы любимым прабабкиным амулетом, что передо мной сидит медиум-коллега. Но нет — это была просто двадцатилетняя привычка сплетничать на лестничной клетке. — А Пусик-то мой как исхудал у этих волонтеров, ты посмотри, — запричитала Зинаида, поглаживая сопящего пса. — Да он у тебя откормленный, как хряк перед Рождеством, Зина! — фыркнула Ольга. — Ну да, кость широкая, покушать мы любим... — вздохнула клиентка. Словно подтверждая статус хряка, бульдог тяжело вздохнул, и густая прозрачная капля слюны с его брыли сочно шлепнулась прямо на сумку Зинаиды. Ольга брезгливо поджала губы. Пусик меланхолично хрюкнул.

Сама не заметив как, я увлеклась. Подперев подбородок рукой, я сидела и мысленно соглашалась с покойной Ольгой, что председатель ТСЖ — жулик, и брала на заметку, где на Кузнечном рынке сейчас лучшая говядина. Но спустя двадцать минут увлекательного погружения в жизнь чужого подъезда, я почувствовала, как по спине пополз предательский холодок, а кончики пальцев закололо. Резерв был большим, но не бесконечным. Пора завязывать. — Дамы... — попыталась я вклиниться в диалог глубоким голосом мадам Элеоноры. Зинаида Петровна лишь отмахнулась от меня свободной рукой: — Подождите, мадам, мы про квитан-

ции не договорили! Я подождала еще минуту. Снова открыла рот. Меня снова проигнорировали. Терпение лопнуло. Я с силой хлопнула ладонью по столешнице.

— ТАК! — рывкнула я своим обычным, совсем не томным голосом. Звук вышел резким, как выстрел. Ольга Павловна поперхнулась словом и резко повернулась на стук. Зинаида Петровна подпрыгнула на стуле, едва не выронив сумку. Пусик дернул головой и со звонким щелчком закрыл пасть. В кабинете повисла идеальная тишина. Я тяжело вздохнула, потирая ноющую переносицу сквозь вуаль: — Что там с во-ем в квартире?

Ольга Павловна моргнула полупрозрачными веками:

— А... так это трубы периодически гудят. Там прокладку в стояке прорвало еще при мне. Я ж жаловалась! Этим дармоедам из ЖЭКа, сантехникам этим криворуким! А еще власть не чешется, магнитные бури покоя не дают, и соседка, дура из третьего подъезда, молоко на ступеньках пролила...

Не дожидаясь, пока она перейдет к обсуждению геополитики, я с силой захлопнула Грань. Фигура в халате растаяла в воздухе. Я откинулась на спинку стула, чувствуя себя так, словно разгрузила вагон с углем.

— Трубы у вас гудят. Вызывайте сантехника в соседнюю квартиру, — устало констатировала я, натягивая перчатки. — С вас сто тысяч. За извлечение души из-за Грани — двойной тариф.

Зинаида Петровна ничуть не расстроилась. Она бодро до-

стала пухлый кошелек, отсчитала купюры и, подтянув своего слюнявого поросенка повыше на грудь, выпорхнула к двери.

— Ой, спасибо вам огромное, мадам Элеонора! Прямо камень с души! Запишите меня на следующий месяц на еще один сеанс связи, мы с Оленькой так чудесно пообщались!

В подсобке я с наслаждением стянула с себя душный бархат и сорвала парик. Кожа головы наконец-то вздохнула с облегчением. Я расчесала пальцами влажные от пота кудри, закрутила их в небрежный узел и переделалась в свои привычные джинсы и черную водолазку. В висках еще пульсировала тупая боль от пробития Грани, но я чувствовала, как стихии медленно, по капле, восстанавливают резерв. Земля под ногами давала знакомую опору, вытягивая усталость. Часа через два буду в норме.

Выйдя в зал, я застала Зою, которая деловито расфасовывала по стеклянным банкам сушеную полынь. — Как прошел сеанс? — хмыкнула она, не отрываясь от работы. — Судя по тому, что псиной тянет даже через закрытую дверь, Зинаида Петровна приносила своего пса? — Ага. И ее мертвая подруга, кажется, знает расписание ЖЭКа лучше меня, — я усмехнулась, забираясь на высокий стул за прилавком. — Иди домой, Зой. Суббота все-таки. Я сама тут посижу до закрытия. Травница окинула меня цепким, профессиональным взглядом. — Выглядишь так, будто вагон угля разгрузила. Налить тебе восстанавливающей настойки? — Сама справлюсь. Беги уже, у тебя вроде планы были. Зоя спорить не стала. Быст-

ро скинула рабочий фартук, подхватила рюкзак и умчалась, звеня колокольчиком на двери.

Оставшись одна, я вытащила из-под прилавка деревянные заготовки, резец и моток кожаного шнура. Работа руками от-
лично заземляла. Я методично вырезала защитные руны на
гладких кругляшах ясеня, сдувая древесную стружку. Ника-
кой магии, пока только физическая подготовка — силу в этот
ширпотреб я волью потом, когда полностью восстановлюсь.

За пару часов в лавку заглянули только две стайки хихика-
ющих туристок. Они купили несколько кривых ловцов снов
и пару кулонов с «магическим» розовым кварцем, оставив
после себя стойкий запах сладких духов.

Ближе к шести, когда за окном уже начали сгущаться пи-
терские сумерки, колокольчик звякнул снова. В лавку вплы-
ли двое. Упыри. Вообще, клиент есть клиент, и с кровосо-
сами у нас давно сложились вполне приятельские отноше-
ния. Ругаться со мной в этом городе дураков не было. Я —
единственный толковый медиум в Питере. А у нежити, знае-
те ли, тоже периодически возникают вопросы к жмурикам.
То убиенный пароль от криптокошелька сказать не успел, то
старые долги с призрака страсти надо. К тому же, причинять
вред мне было себе дороже: Ядвига, глава ковена, в котором
я состояла как единственная представительница своего рода,
за меня любого упыря сожрет и даже не подавится. Так что
уважали меня клыкастые искренне и с гарантией.

Я окинула взглядом парочку, не отрываясь от нанизыва-

ния деревяшки на шнур. Типичные жертвы кинематографа нулевых. Оба бледные до синевы, с идеальными укладками, в стильных черных пальто и с такими острыми скулами, что ими можно было вскрывать грудину вместо циркулярной пилы.

Один из них, с гелевой челкой, падающей на глаза, подошел к прилавку и облокотился на стекло. — Добрый вечер, Василиса, — бархатно промурлыкал он, сверкнув идеальной белой улыбкой. — Все трудишься? Такая красивая девушка не должна проводить субботний вечер в пыльной лавке. Поехали с нами в клуб? У нас сегодня закрытая вечеринка. Отличная музыка, свежие... напитки. — Откажусь, Влад, — я смахнула стружку со стола в мусорное ведро. — У меня после смены в морге и так лимит на бледных мужчин исчерпан. К тому же, мои клиенты хотя бы не пытаются меня спойть.

Второй упырь, стоявший у стеллажа с амулетами, тихо рассмеялся. — Я же говорил, она откажется, — подал голос он. — С тебя косарь, Влад. Влад наигранно вздохнул, приложив руку к груди: — Ты разбиваешь мое холодное небьющееся сердце. Никакой романтики. — За романтикой — это на Петроградку, к студенткам. А вы ко мне за зельями пришли, — я выдвинула нижний ящик, достала плотный бумажный пакет с настойками, которые варила Зоя специально для тех, кому нужно было имитировать румянец и сердцебиение. — С вас пятнадцать тысяч.

Влад отсчитал наличные, не переставая улыбаться. —

Кстати, Вась, — он забрал пакет и немного посерьезнел. — Нам на следующей неделе, возможно, понадобится твоя помощь. Один наш общий знакомый... скоропостижно скончался, а где зарыл общак — сказать забыл. Организуешь встречу? — Если уложитесь в первые три дня, пока он за Грань не ушел — сделаю по стандартному прайсу, — деловито отозвалась я. — Если опоздаете, готовьте тройной тариф и его личную вещь. Доставать душу со дна я за копейки не буду. — Обижаешь. Деньги не проблема, — подмигнул он. — Мы тогда на днях заглянем. И если передумаешь насчет клуба — ты знаешь, где нас найти. — Обязательно, — буркнула я, провожая их взглядом.

Дверь за упырями закрылась. Я глянула на часы — ровно шесть. Пора закругляться. Я потянулась к табличке «Открыто», чтобы перевернуть ее, как вдруг в кармане джинсов завибрировал телефон.

На экране высветилось: «Папа».

Я зажала телефон между ухом и плечом, чтобы освободить руки, и смахнула зеленую кнопку ответа, одновременно запирая кассу.

— Привет, пап.

— Привет, Васюта. Не отвлекаю? Трупы не разбегаются? — раздался в трубке бодрый, теплый голос отца.

Я усмехнулась, забрасывая ключи в сумку. Папа был самым обычным человеком, архитектором, свято уверенным, что его единственная дочь — просто судмедэксперт с немно-

го специфическим хобби в виде сувенирной лавки. Моя мать, Марина, умерла при родах, и до двенадцати лет отец растил меня один. А потом проснулся мой дар медиума. Прабабка Марфа, царство ей небесное, забрала меня к себе, виртуозно внушив отцу, что так будет лучше для моего «эмоционального фона», и наложив на него легкий морок. С тех пор папа живет в блаженном неведении.

Сейчас ему было под пятьдесят, но выглядел он максимум на сорок. Исключительно благодаря травяным сборам и зельям, которые я регулярно подкидывала ему под видом «элитных витаминных чаев». Единственный родной человек, как-никак. За ним нужен глаз да глаз, особенно с тех пор, как он решил жениться во второй раз.

Его новая супруга, Валентина, была на пятнадцать лет его моложе. Дизайнер интерьеров, идеальная партия для архитектора — у них даже профессиональные шутки совпадали. Женщина она была неплохая, но со мной держалась настороженно. А еще меня изрядно напрягало, что своего десятилетнего сына от первого брака, Сашку, она почти сразу после свадьбы сплавила в кадетскую школу на полный пансион. Папе мальчишка нравился, воспитанный и тихий, но Валя настояла на «мужском воспитании». Как по мне — классическая кукушка: нашла мужика и расчистила гнездо от лишних птенцов. Впрочем, может, Сашке маршировать на плацу и правда нравилось больше, чем слушать мамины лекции о цветковых палитрах.

— Лежат смирно, ждут вскрытия, — хмыкнула я, стягивая с вешалки косуху. — Как ваши дела?

— Да потихоньку. Валя вот новый проект взяла, я над чертежами сижу. Ты когда в гости-то заедешь? С Нового года не виделись, а на дворе уже март, между прочим.

Я со вздохом перекинула ремешок сумки через плечо и щелкнула выключателем. Подсобка погрузилась в темноту.

— Пап, ну ты же в курсе. Работа. Дежурства, лавка... времени вообще нет.

— И почему ты до сих пор держишь эту барахолку? — привычно заворчал отец. — Я понимаю, в студенчестве баловалась, но сейчас-то? Ты врач, серьезный специалист. Зачем тебе эта сувенирная головная боль?

Я вышла в торговый зал, проверила, хорошо ли закрыты витрины. — Она приносит стабильный доход, пап. Ты ведь знаешь, содержать пятикомнатную квартиру в старом фонде на Петроградке — удовольствие не из дешевых. Коммуналка жрет как не в себя.

— А я тебе говорил, — тут же пошел в наступление отец, седлая своего любимого конька. — Продай ты ее! Купи аккуратную двушку в хорошем районе. Остаток денег положи на вклад под проценты, пусть они сами зарабатывают. А мы бы с Валею тебе такой дизайн-проект сделали — конфетка бы вышла! И убираться меньше.

Я молча улыбнулась в темноту лавки. Продать родовое гнездо с алтарем Макоши, запертой комнатой, набитой

гримуарами, дневниками, и вредным домовым в придачу? Представляю лицо покупателей, когда Филя выйдет требовать у них подношения.

— Пап, ты что, это же наследство, — решительно отмахнулась я, толкая плечом тяжелую входную дверь и выходя на промозглую улицу. Ветер тут же забрался под косуху, напоминая, что петербургский март — это тот же ноябрь, только с другой стороны календаря. — Да если я квартиру или лавку продам, бабка Марфа с того света вернется и меня лично задушит. Причем голыми руками.

В трубке раздался искренний раскатистый смех отца. — Это да, суровая была старушка! До сих пор удивляюсь, как она с таким-то железным характером до девяноста лет дожила. Гвозди бы из нее делать.

Я тактично промолчала, перекладывая телефон в другую руку, чтобы достать из сумки связку ключей. Отцу совершенно незачем было знать, что «девяностолетней» Марфе на момент смерти было под триста, и приходилась она мне, скорее всего, пра-пра-пра-какой-то-там бабкой. И да, с того света она действительно периодически возвращалась — в моих снах, чтобы отчитать за неправильно заваренную полынь или похвалить за хорошую работу.

— Вот-вот, — хмыкнула я, вставляя ключ в замочную скважину. — Так что рисковать я не буду. Ладно, пап, давай так: как только на работе рассосется завал, я обязательно заскочу. Или давай на следующей неделе пересечемся на ней-

тральной территории? Пообедаем где-нибудь в центре, заодно и с Валей повидаемся.

— Договорились, Васюта. Ловлю на слове. Береги себя там на своей... работе.

— Обязательно. Пока, пап.

Я сбросила вызов, дважды повернула ключ в замке и дернула ручку, проверяя, надежно ли заперта дверь «Лавки чудес». Защитные контуры на стекле слабо блеснули в свете уличного фонаря и погасли, сливаясь с обычными пыльными разводами.

Ежась от сырого ветра, я быстрым шагом дошла до припаркованной на углу «Вольво». Упала на прохладное кожаное сиденье, завела мотор и, дождавшись, пока печка начнет гнать теплый воздух, влилась в плотный вечерний поток машин. Впереди ждала Петроградка, остатки выходного и, если Филя не доел все запасы под сериалы, нормальный ужин.

Уже подъезжая к Петроградке и лавируя в вечернем потоке машин, я услышала, как телефон снова ожил. На экране автомобильной мультимедийки высветилось: «Никита».

Мой, так сказать, парень. А если называть вещи своими именами — постоянный любовник. Никакой ванили, кляत्व при луне и розовых соплей в наших отношениях не водилось. Никита был обходительным, чертовски симпатичным и заботливым в своей особой, прагматичной манере. Машинально я коснулась мочки уха, где висела аккуратная серьга.

Эксклюзивный дизайн и мощнейшая, ювелирно сплетенная защита от проклятий — его рук дело. Не то чтобы мне стоило сильно бояться чужих порч, но жест был милым и, главное, полезным в быту. Ну и, что греха таить, любовником Ник был просто отличным.

Он владел собственной мастерской: корпел над эскизами, создавал уникальные вещи и продавал свой очень дорогой бренд состоятельным клиентам. А для души и магической практики держал ломбард, где с удовольствием скупал старое золото. Распутывать с фамильных драгоценностей чужие проклятья было его специализацией.

Мы были вместе уже год. Ник принадлежал к старинному и весьма влиятельному питерскому роду Черновых — эдакие «old money» магического мира. Из-за этого имелся один нюанс: его маменька меня на дух не переносила. Мой аппетитный метр шестьдесят, вечно спутанная копна мелких кудрей, любовь к джинсам, косухам и тяжелым ботинкам наносили непоправимый удар по ее утонченному эстетическому вкусу при каждой случайной встрече. Впрочем, на мнение мадам Черновой мне было глубоко и искренне плевать, детей нам с ней не крестить.

Я притормозила на светофоре, поудобнее перехватила руль и нажала кнопку ответа.

Динамики в салоне машины тихо щелкнули, и салон наполнил приятный, бархатистый голос Никиты, в котором скользила легкая улыбка: — Добрый вечер. Надеюсь, я не

отвлекая тебя от спасения города от криминала или очередного спиритического сеанса?

— Уже отстрелялась по всем фронтам, еду домой, — я включила поворотник, перестраиваясь в правый ряд. — Ты там как? Скупил весь калининградский янтарь?

Никита уехал пару недель назад на крупную ювелирную выставку. Искал редкие камни под заказ и присматривал материалы для новой коллекции.

— Почти. Нашел отличную партию турмалина и пару весьма недурных сапфиров, — в его голосе слышалось удовлетворение от удачной сделки. — Погода здесь, кстати, на удивление приличная. Балтика радует. А как наше любимое болото?

— Болото стабильно сырое и ветренное, — я притормозила, пропуская пешехода, закутанного в шарф по самые глаза. — Когда возвращаешься?

— Во вторник вечером буду в Питере. Как у тебя на следующей неделе с ночными сменами? Планирую нагло похитить тебя к себе. Соскучился.

Я поймала себя на том, что искренне улыбаюсь своему отражению в лобовом стекле. Две недели без его визитов и правда тянулись долговато.

— В среду в ночь, — прикинула я в уме график. — Так что вечер вторника полностью в твоём распоряжении. Тоже соскучилась. По нормальному массажу и адекватному общению уж точно.

Никита негромко рассмеялся: — Звучит как вызов. Как вообще прошла суббота?

Я свернула в свой двор, уворачиваясь от глубокой лужи, в которой плавал одинокий пивной стаканчик. — Заработала сто тысяч на человеческой глупости. Вытягивала с того света душу полгода как почившей бабки, потому что ее соседке казалось, что она воет в пустой квартире. В итоге я чуть не надорвалась, пробивая Грань, а мертвая соседка полчаса жаловалась мне на магнитные бури, управляющую компанию и гудящие трубы. А, и еще в кабинете очень старательно пускал слюни толстый бульдог.

— Очаровательно, — протянул Ник с легкой иронией. — Надеюсь, ты хотя бы вымыла руки после этого бульдога. Приедешь домой — завари себе нормального чая. И ради бога, не пей на ночь тот жженный нефтяной суррогат, который ты называешь кофе.

— Не обещаю, но подумаю, — я зарулила на свое парковочное место у парадной и заглушила двигатель. — Ладно, ювелир, иди отдыхай. Жду во вторник.

— До вторника, душа моя, — с теплой усмешкой отозвался он, и звонок завершился.

В машине повисла тишина, прерываемая только мерным шумом остывающего мотора. Я вытащила ключ из замка зажигания, подхватила сумку с соседнего сиденья и выбралась в промозглый петербургский вечер. Пора было идти кормить домового и проверять, не довели ли они с Геннадием теле-

визор до короткого замыкания своими ментовскими сериалами.

В квартире на удивление было тихо. Телевизор не работал, а призрачный следователь Геннадий нигде не обнаружился — видимо, ушел патрулировать парадную или отправился наводить ужас на закладчиков во дворе. Зато в гостиной нашелся Филя. Мохнатый хранитель очага сидел верхом на припаркованном на базе роботе-пылесосе и сосредоточенно клал когтем по экрану своего мобильного.

Я скинула ботинки и, шлепая в носках по паркету, направилась напрямик на кухню. В животе предательски заурчало. К чести моего домового, свои прямые обязанности он выполнял исправно. В холодильнике меня ждала заботливо затянутая пищевой пленкой тарелка с воздушным пюре и щедрой порцией великолепного говяжьего гуляша.

Я засунула ужин в микроволновку, нажала кнопку старта и прислонилась к столешнице. Ровно в этот момент на пороге кухни нарисовался Филя. Он ловко спрятал телефон за спину и посмотрел на меня огромными, кристально невинными глазами.

Я мысленно застонала. Этот взгляд я знала слишком хорошо. Мой банковский счет сейчас понесет потери. Молча открыв дверцу холодильника, я достала банку сгущенки — тяжелую артиллерию — и щедро налила тягучую сладкую массу в блюдо с золотой каемочкой. Поставила его прямо на кухонный стол и сама с тяжелым вздохом опустилась на

стул рядом.

Филя тут же материализовался на соседнем табурете. — Спасибо, хозяйюшка, — умильно пропел он, аккуратно зачерпывая чайной ложкой сгущенку. А потом тяжело, со значением вздохнул и начал смущенно водить когтем по скатерти. — Тут, видишь ли, такое дело, ммм...

Я закатила глаза. Ну всё. Сейчас начнется презентация нового инвестиционного проекта в инфраструктуру нашей квартиры. — Выкладывай, — разрешила я, забирая из пискнувшей микроволновки горячую тарелку. Пахло так одуряюще вкусно, что я была готова простить ему почти любые траты.

— На улице, хозяйюшка, весна в разгаре! — Филя мечтательно закатил глаза. — Солнышко светит, птички поют...

Я скептически покосилась на кухонное окно. За стеклом висела типичная питерская хмарь: было темно, сыро и холодно. В желтом свете уличного фонаря косо летел то ли мелкий дождь, то ли густой туман, и ни о каком солнце даже речи не шло. Ничуть не смутившись суровой реальностью, домовой вытащил из-за спины свой гаджет, ловко разблокировал экран и торжественно положил его на стол прямо передо мной. — В общем, нам пора подумать о мытье окон!

На ярком экране маркетплейса, переливаясь всеми гранями пластика, красовался умный робот-мойщик окон последней модели. С функцией распыления воды, управлением со смартфона и ценником, от которого моя внутренняя жаба

неодобрительно квакнула.

Я перевела взгляд с экрана на наши огромные, высокие окна старого фонда. А потом вспомнила, что в пятикомнатной квартире таких окон еще с дюжину, не считая застекленного балкона. Лезть туда самой с тряпкой не хотелось от слова «совсем», а вызывать клининг означало прятать от них алтарь, гримуары и самого Филю.

Мохнатый манипулятор, заметив мои сомнения, немедленно включил режим «Кот из Шрека». Глаза его заблестели, уши жалобно опустились. Я смотрела на это чудо и думала о вселенской несправедливости. Почему нормальным ведьмам достаются нормальные коты? Кошки любых мастей и пород, которые сами приходят к порогу, едва у хозяйки просыпается Сила. Спят себе на батареях, едят корм, тихо мурчат. Но у нашего рода всегда были свои правила. Дар медиума подразумевает вечное балансирование на Грани, одной ногой в мире мертвых. Ни один живой кошачий фамилльяр такого соседства просто не выдержит — развеется. Поэтому вместо кота мне по наследству досталось это мохнатое недоразумение, помешанное на технике. Еще немного, и он увлечется программированием, начнет писать код по ночам и требовать второй монитор... Я аж вздрогнула от живости представленной картины и незаметно поплевала через левое плечо. Не дайте боги.

— Ммм... хозяйюшка? — тихонько шмыгнул носом Филя.
— Сильно дорого, да? Обойдемся, да? Я сам с газеткой по

карнизам поползаю...

Я с тяжелым вздохом отложила вилку, дотянулась до его телефона и решительно ткнула пальцем в желтую кнопку «Купить». — С доставкой на дом оформляй, ползун, — хмыкнула я.

Филя радостно пискнул, мгновенно забыв про образ сиротки, сгреб телефон со стола и на околосветовой скорости помчался к дивану в гостиную — оформлять заказ, пока я не передумала. А я наконец-то взялась за гуляш, решив, что чистые окна без моего участия — это все-таки отличная современная магия. Мда, бабуля бы нас со свету сжила за технику в ее квартире, ремонт она мне до сих пор припоминает. Я аж плечами передернула и оглянулась по сторонам и еще раз поплевала через плечо и по столу постучала, для надежности.

Остаток субботнего вечера был торжественно посвящен исключительно себе любимой. После полноценного проби-тия Грани и общения с мертвыми обычного душа недостаточно — тут требовалась тяжелая артиллерия. Я набрала полную ванну горячей воды, щедро сыпанула туда морской соли и добавила специальный травяной сбор Зои. Это был не просто релакс, а суровая техника магической безопасности: соль отлично вытягивала остатки некротической энергии, а травы смывали въевшийся в кожу могильный холод.

Вывокнув до состояния блаженной креветки, я приступила ко второй, самой сложной части марлезонского балета —

уходу за волосами. Моя непокорная копна мелких кудрей и в обычные-то дни жила своей отдельной, бунтарской жизнью, а после удушливого парика мадам Элеоноры превратилась в непробиваемый войлок. В ванной я провела около двух часов. Сначала в ход пошла новая, жутко дорогая маска для смягчения. Намазать, выждать, смыть. Затем — вторая маска, просто для того, чтобы иметь физическую возможность продрать эту солому расческой, не оставив на ней половину скальпа. И финальным аккордом — специальное масло на кончики.

Когда я наконец-то выползла из ванной, благоухая луговыми травами и кокосовым маслом, сил у меня осталось ровно на то, чтобы доползти до кровати. В спальне было темно и тихо. Я упала на свежие простыни в начале двенадцатого, чувствуя, как гудят уставшие за день мышцы. Закрывая глаза, я успела лишь порадоваться, что завтра можно законно спать до обеда — дежурство в судебке начиналось только во второй половине дня, и провалилась в глубокий сон без сновидений и призраков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.